

О переписке архиепископа Самуила с управлями Ростовского архиерейского дома

А.Е. Виденеева

И Мне хотелось бы поделиться некоторыми предварительными замечаниями по поводу писем архиепископа Самуила, адресованных economy и казначею Ростовского архиерейского дома. Переписка ростовского владыки с управлями его главной резиденции в настоящее время хранится в Ростовском филиале Государственного архива Ярославской области¹.

Андрей Александрович Титов, еще в 1906 г., в своей работе «Самуил Миславский на Ростовской кафедре», сетовал на то, что во всех известных ему жизнеописаниях этого архиерея ростовский период его жизни освещен очень слабо, однако, хотя и посвятил ему немало страниц в целом ряде изданий, сам мало что добавил к характеристике деятельности Самуила в качестве ростовского владыки². Как известно, архиепископ Самуил на протяжении семи с половиной лет возглавлял Ростовскую епархию; он был переведен в Ростов из Крутицких епископов 17 марта 1776 г. в возрасте 45 лет, в следующем году был удостоен сана архиепископа, а 22 сентября 1783 г. получил назначение на Киевскую кафедру, где вскоре стал митрополитом. Основными памятниками его деятельности в Ростове явились основанное в 1776 г. духовное училище, осуществленная в конце 1780-х гг. распись Успенского собора, да перестроенное здание жилых архиерейских покоев, которое в настоящее время именуется «Самуиловым корпусом»³.

Будучи епархиальным архиереем, архиепископ Самуил одновременно возглавлял Московскую синодальную контору. Надо сказать, что этой должностью он дорожил и гордился. К примеру, в одном из писем к князю А.Б. Куракину, жалуясь на интриги недоброжелателей, Самуил писал: «Не знаю, что и предпринять, хотят не допустить, чтоб я присутствовал в Конторе. Вообразите, какой удар для меня удалиться; и, прося о заступничестве, признавался: «Для меня одно только нужно, чтоб я мог присутствовать в Конторе бессменно»⁴. Управление синодальной конторой вынуждало ростовского владыку большую часть времени находиться в Москве.

Это обстоятельство, кстати, вполне соответствовало нежеланию архиепископа Самуила всерьез обосноваться в Ростове. Архиерею, привыкшему к столичной жизни, небольшой провинциальный городок, вероятно, казался захолустьем. Кроме того, как отмечал А.А. Титов, архиепископ Самуил считал, что здешний сырой климат имел неблагоприятное воздействие на его здоровье. К Ростову архиепископ Самуил привыкал постепенно и лишь со временем изменил свое мнение о городе в лучшую сторону. Так, в 1781 г. он писал из Ростова князю А.Б. Куракину: «Нынешняя моя жизнь мне полюбилась, особенно в рассужде-

нии здравия моего; желал бы я еще некоторое время оставаться в моей пастве»⁵. Так или иначе, архиепископ Самуил явно предпочитал Ростову Москву. Неудивительно, что в Ростовский архиерейский дом он наведывался изредка и ненадолго.

Управление своей ростовской резиденцией и заботу о ней архиерей препоручил управителям – economy и казначею. В конце 1770-х гг. архиерейским экономом являлся строитель Югской Дорофеевой пустыни иеромонах Илларион, а казначеем – домовой иеромонах Порфирий⁶. С каждым из них владыка вел особую переписку. Среди документов фонда Ростовского архиерейского дома в РФ ГАЯО сохранились подлинные письма архиепископа Самуила, адресованные economy Иллариону. Они датированы временем с января по май 1777 г. (25 писем), с декабря 1778 г. по декабрь 1779 г. (16 писем) и посвящены решению сугубо хозяйственных вопросов: ведению хозяйства, управлению служителями, покупкам, приему гостей и тому подобному.

Все архиерейские письма написаны под диктовку. Собственноручно владыка ставил только подписи. Письма архиерея имеют немало сходных черт с обширными резолюциями, которыми он так любил визировать подносимые ему доклады. По причине своих частых отлучек из Ростова архиепископ Самуил требовал от управителей архиерейского дома подробных письменных отчетов. Эконом и казначей должны были регулярно отправлять в Москву составленные по пунктам доношения, в которых сообщалось обо всех делах, происходивших в архиерейском доме, как важных, так и второстепенных. На эти доклады архиерей накладывал свои резолюции, вынося отдельные решения по каждому из перечисленных пунктов. Затем доношения с резолюциями отсылались в Ростов, где все вопросы разрешались в соответствии с архиерейскими указаниями. Письма архиепископа Самуила по своему строю и стилю весьма схожи с подобными резолюциями. По сути дела, послания владыки, также как состоят из кратких ответов на конкретные вопросы, порой между отдельными предложениями отсутствует смысловая связь. Размер архиерейских писем мог быть различен – от нескольких строк, до нескольких страниц. Явным отличительным знаком писем от резолюций служит отсутствие доношения или доклада, собственно, того самого документа, который и визировался архиереем. В конце своих писем архиепископ Самуил использовал традиционный оборот: «Впрочем с моими молитвами есмь Вашей пречестности Усердный Богомолец Смиренный Самуил Архиепископ Ростовский». Уместно заметить, что ответные письма эконома, как правило, открывались фразой: «Здесь в Ростове и в доме Вашего Преосвященства состоит все, слава Богу, благополучно»⁷.

Желание владыки быть в курсе всех дел своей ростовской резиденции, вероятно, было настолько велико, что вынуждало его требовать из Ростова чуть ли не ежедневных доношений. К примеру, в письме от 12 июля 1778 г. архиепископ Самуил выговаривал игумену Венеамину: «На сей почте я ни от вас, ни от эконома и ни от кого о состоянии своего дома не получил ничего. Удивляюсь, сожалею и беспокоюсь, должно чрез каждую почту

хотя и кратчайшим образом обо всем меня репортовать»⁸. Сам архиерей был способен выдержать заданный им весьма жесткий темп переписки и писал в Ростов достаточно часто. К примеру, в 1777 г. с 12 по 14 марта только economy, не дожидаясь ответов, он отправлял по письму в день, а 11 марта в течение одного дня смог отослать economy сразу два письма. Письма, отправленные по почте, шли из Москвы в Ростов, в среднем, около трех суток.

С economy архиепископ Самуил обсуждал дела, касающиеся вопросов управления обширным и сложным хозяйством архиерейского дома, со «смотрителем строительных и живописных работ» обсуждал ход сооружения новых архиерейских покоев и производившееся тогда поновление росписей кафедрального собора. От казначея требовал предоставления ежемесячных финансовых отчетов о приходе и расходе денег архиерейской казны, часто запрашивал ведомости о раздаче жалованья, сведения о заключаемых контрактах, о готовящихся покупках и многое другое. Так, 15 апреля 1777 г. он писал economy: «С крайним неудовольствием и огорчением приемлю, что за февраль и март месяцы денежные ведомости поныне ко мне не присланы, но в сию минуту пришла почта и поданы мне ведомости, я еще не рассмотрел, а заблаговременно паstryrски уверяю вас, что если впредь такая медленность во исполнении моих приказов последует, то поступлено будет с вами по всей строгости»⁹.

Архиепископ Самуил требовал от управителей серьезного отношения как к присылаемым от него письмам, так и к отсылаемым к нему доношениям и отчетам. Получив однажды от economy отчет, составленный на его взгляд недостаточно точно, архиерей пригрозил: «Ежели и впредь такие репорты будут, то лучше тебе быть в братству на покое, нежели в монастыре строителем и в моем доме economy»¹⁰.

Отправляя управителям архиерейского дома свои распоряжения, архиепископ Самуил ждал их немедленного и точного исполнения, и если что-либо решалось вопреки его желанию – гневался и в письмах умел красноречиво и убедительно выразить свое неудовольствие. К примеру, когда economy на одну из служительских должностей определил не того человека, на которого указывал архиерей, владыка пригрозил economy ссылкой в один из отдаленных монастырей. Архиепископ писал: «Я на место повара приказал преждею мою резолюцию поместить сына его, а ты, умолча об оной резолюции, представил на то место другаго. Сие ясно доказывает, сколько ты неисправен в своей должности и что сия погрешность твоя произошла не от простоты, но от умыслу. Будь осторожен, иако должен ожидать безмолствие в Исаковой пустыне»¹¹. В то же время даже в деловых письмах архиепископ Самуил проявлял себя незаурядным психологом, умел не только пригрозить, но и наоборот, похвалить, прибодрить, выделить человека. Например, при назначении игумена Вениамина на должность смотрителя за строительными работами он писал: «Теперь в рассуждении всего строения, производящегося в моем доме, единственно полагаюсь на ваше попечение, ревность и усердие. Не сомневаюсь нимало, что вы

употребите все меры, служащие к удовольствию моему»¹².

Помимо конкретных распоряжений управители регулярно получали от архиепископа Самуила замечания общего характера, имевшие отношение к ряду важных проблем – абсолютному послушанию архиерейской воле, «всемерной экономии» и осторожности с огнем.

Почти в каждом письме явно или между строк читается приказ архиепископа: «без ведома моего ничего не делать». Настаивая на четком и безотлагательном выполнении всех его распоряжений, владыка требовал от управителей «наистрожайше по всем моим предписаниям чинить исполнение без всякого упущения и малейшаго»¹³.

Архиепископ Самуил не уставал повторять своим подчиненным о необходимости экономить в большом и малом. К примеру, он резонно советовал производить покупки на Ростовской ярмарке ближе ко времени ее окончания, когда цены на товары снижались. В одном из своих посланий, обращаясь к эконому, архиерей искренне недоумевал: «Я не понимаю, для чего у вас по дому никаких записок нету, что прошлых годов во время ярманки покупалось. Мне кажется, что тут кроется какая-нибудь фальша.» В другом письме он сокрушался: «И так нет надежды никакой, чтоб в моем доме по правилам экономия, но со дня на день приходит в растройку и непорядок»¹⁴. «Неисправные», по мнению архиерея, дела в архиерейском доме не только расстраивали архиепископа Самуила, но, вероятно, вынуждали его с еще большим вниманием следить за каждой мелочью. Разумеется, такой подход не способствовал своевременному и правильному разрешению действительно важных хозяйственных проблем.

Из-за боязни пожара архиепископ Самуил почти в каждом письме напоминал, чтобы печи в архиерейском доме топили «с крайней осторожностью». 29 марта 1777 владыка писал: «А особливо осторожно на поварнях поступать, дабы сажа в печах не загорелась»¹⁵. Ну как тут не вспомнить злосчастную для Ростова ночь на 29 октября 1758 г., когда из-за пожара, начавшегося на архиерейской поварне, в резиденции возник большой пожар, от которого значительно пострадала большая часть построек, а заодно сгорело и полгорода¹⁶. «Теперь наступила весна и надобно иметь неусыпную осторожность от пожарных случаев» – писал архиепископ Самуил. Впрочем, то же самое он неустанно повторял и летом, и осенью, и уж тем более зимой. Владыка проявлял заботу не только о мерах к предотвращению пожаров, но и о средствах борьбы с огнем. Он требовал от управителей: «чтоб везде вода готова была и все нужное к отведению от пожара у вас изготовлено было»¹⁷.

Среди архиерейских писем выделяется особый вид посланий – сопроводительные или рекомендательные записи, коими архиерей извещал эконома о прибытии в архиерейский дом гостей. В конце 1770-х гг. в ростовской архиерейской резиденции гостили петербургский протоиерей, московские княгини, смоленские и тобольские купцы. Зачастую архиепископ Самуил, не ограничиваясь простым уведомлением о приезде почетных посетителей, сообщал经济у, как именно ему следовало прини-

матъ того или иного гостя, в каких покоях предоставить комнаты, чм потчевать, каких лошадей давать и тому подобное. Все это расписывалось подробно, с присущими владыке обстоятельностью и вниманию к мелочам¹⁸.

Для того, чтобы составить более точное представление о стиле архиерейских писем, уместно хотя бы одно из них привести целиком:

«Пречестнейший отец економ Илларион.

На уведомление ваше февраля от 26 объявляю следующее. Доклад с реестром возвращаю, что купить надобно, мной отмечено. Оную покупку исправить при окончании ярманки, ибо тогда все дешевле бывает, или как у вас сходнее по обстоятельствам откроется. Со всем тем, хотя мною и предписано что покупать, однако вам должно рассуждать, не можно ли обойтись без покупки иных вещей, мною отмеченных и буде можно, то и оставить. Ваша экономия странная и меня в удивление крайнее приводит. Ежегодно покупаются разныя вещи для дому, такия, какия должны служить на несколько лет. Но вдруг в один год исчезают, и виду на то никакова нет. По сей причине, пришлите мне реестры подлинные, что прошлого и третьяго году для дому моего искуплено. Тиосу не покупать нимало. Бумажки¹⁹ уже посланы. Когда ими обивать — предписано будет. Хорошо, что вы купили сто пудов алебастру, не худо еще и прибавить, естли денег строевых в остатках будет. Господину Алексею Львовичу Воронину объявите от меня Божие благословение и мою благодарность за его усердие ко мне и к моему дому. Искренно сожалею о его болезни. Жеребца, как негодного продать, точие об нем особливый доклад прислать должно. Напомните Секретарю Ивану Дмитриевичу, чтоб он старался в сем месяце все ведомости в Святейший Синод положенные изготовленв, ко мне прислать, ибо срок уже указанный прошел. О беглых церковниках от разбору тоже надобно стараться собрать ведомости. Я получил известие, что моя вокальная музыка весьма неисправна, и нимало не старается регент, чтоб выучить новые концерты, от меня посланные, да и мальчиков, нужных к пению, поныне не собрано. Донель возвратится казначей, я вам препоручаю все то исправить и привесть в порядок. А Консистории наикрепчайше подтвердите, чтоб мальчики, годные к пению, в самой скорости сысканы были. А инако, взыскано сие будет на оной. Естли жив буду, я непременно должен к вам в Ростов приехать в апреле месяце. И для того смотрите, что б было все исправно. Гусли диакону Александру Архангельскому дать и велеть неотменно учить мальчиков согласно петь с гуслями. По примечанию моему, надобно будет денег на покупку при нынешней ярманке до двух сот рублей, то вы довольно подумайте, откуда такую сумму взять. Я вам не возбраняю употребить мельничную сумму, да еще за проданное сено, что прийдет. А прибыльной от свеч не хочется мне трогать, однако, вы рассмотрите.

Впрочем с моими молитвами есмь Вашей пречестности Усердный Богомолец Смиренный Самуил Епископ Ростовский.

1777 года, марта 4. Москва.»²⁰.

Итак, обстоятельства вынудили архиепископа Самуила боль-

шую часть времени проводить вне его ростовской резиденции, но он изыскал возможность быть в курсе почти всех дел, происходивших в архиерейском доме, и даже старался издалека самолично управлять им. Правда, при этом он лишил управителей малейшей инициативы и, в то же время, возложил на них полную ответственность за все, происходившее в архиерейском доме. К тому же архиепископ Самуил слишком большое внимание уделял второстепенным вопросам, и это усложняло решение по-настоящему важных проблем. Действительно, находясь в Москве, командовать загрузкой льда в ростовские погреба или обивкой обоями комнат в архиерейских палатах, нелегко, нелепо и нецелесообразно. Есть основания судить, что сам владыка вполне осознавал неэффективность заведенного им порядка. В одном из писем он с горечью признавался: «Много от меня отправлено к вам писем и приказаний, но по некоторым я не только исполнения, но и ответа не получил»²¹.

В целом же, письма архиепископа Самуила содержат богатейший и интереснейший исторический материал для изучения домового уклада архиерейской резиденции. Главная ценность данного источника в том, что он содержит уникальные подробности чисто бытового характера, именно то, о чем прочие документы, как правило, умалчивают. Разумеется, значимость архиерейских посланий не ограничивается их содержательной стороной. Эти письма служат прекрасным образцом русского эпистолярного жанра последней четверти XVIII в. Несомненно, что переписка архиепископа Самуила с управителями архиерейской резиденции достойна более детального изучения и публикации.

*

¹ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А, 222, 538.

² Титов А.А. Самуил Миславский на Ростовской кафедре // Русский архив. 1906. С. 177, 181-182, 190-195; Титов А.А. Кремль Ростова Великаго. М., 1905. С. 53-56.

³ Титов А.А. Летописец о Ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 23, 53; Титов А.А. Кремль Ростова Великаго. С. 55-56; Титов А.А. Самуил Миславский на Ростовской кафедре. С. 181-182, 194.

⁴ Титов А.А. Самуил Миславский на Ростовской кафедре. С. 183.

⁵ Титов А.А. Кремль Ростова Великаго. С. 54.

⁶ Югская Дорофеева общежительная пустынь. Ярославль, 1895. С. 204; РГ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 6875. Л. 1-1 об.

⁷ См., напр.: РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 538. Л. 26, 14 об.

⁸ РГ ГАЯО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 222. Л. 8.

⁹ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 71-72 об.

¹⁰ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 538. Л. 64.

¹¹ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 538. Л. 35-35 об.

¹² РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.

¹³ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 71 об., 72.

¹⁴ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 71 об.; Д. 538. Л. 64.

¹⁵ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 77.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Д. 3260. Л. 1083-1084 об.

¹⁷ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 76 об.-77.

¹⁸ См. напр. РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 538. Л. 104-104 об.

¹⁹ Под «бумажками» подразумеваются бумажные обои.

²⁰ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 65-66 об.

²¹ РГ ГАЯО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 110А. Л. 73.